

КАМИЛА ЛЕВИТАН

ВЫЕЗД →

ВЗ

Измена мужа.
Пять чеков
на твою ложь!

Камила Левитан

**Измена мужа. Пять
чеков на твою ложь!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Пять чеков на твою ложь! / К. Левитан — «Автор»,
2026

Пять чеков за парковку. Пятьдесят тысяч рублей. Мелочь для нашей компании, но именно с неё начался конец моего брака. Муж уверял, что находится в командировке. А его машина в это время стояла возле дома молодой любовницы! Когда я потребовала объяснений, Виктор объявил меня сумасшедшей, уволил, заблокировал счета и выставил из собственного дома. Но он совершил роковую ошибку. Я — финансовый директор. И умею находить пропавшие деньги! За пятью парковочными талонами скрывалась схема вывода пятидесяти миллионов рублей. Теперь у меня есть независимый аудитор, доказательства и план. Ты хотел сделать из меня нищую истеричку, дорогой? Приготовься сам отвечать за каждый украденный миллион!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Камила Левитан

Измена мужа. Пять чеков на твою ложь!

Измена мужа. Пять чеков на твою ложь!

Камила Левитан

Глава 1

За двенадцать часов я успела дважды остыть вместе с кофе. Убавила яркость монитора — белые клетки все равно били по глазам. Еще одна сверка, и можно домой. Обычно я закрывала таблицу с удовольствием: нашла чужую ошибку, исправила, больше она никому не испортит ночь. Сегодня рука так и оставалась на мышке.

Еще одна проверка.

Пятьдесят тысяч рублей не находили себе места в отчете. Виктор бы посмеялся: для нашего оборота сдача. А мне завтра показывать эти строки инвесторам. Прокрутила «Транспортные расходы» обратно к началу. Искала двойное списание, неверный курс, пропущенную запятую — любую ошибку, которую можно объяснить без звонка мужу.

Курсы верные. Дублей нет. Пятьдесят тысяч оставались неподтвержденными.

Виктор вошел, не постучав. Даже когда закрывала дверь, ему и в голову не приходило, что за ней могут разговаривать без него. Вместе с его одеколоном потянуло сладким парфюмом Киры. После презентации я стирала шарф, в который она уткнулась, обнимая меня для фотографии. Узнала запах сразу. Попробовала объяснить себе: сегодня тоже могло быть мероприятие. Только Виктор о нем не говорил, а от рубашки пахло сильнее, чем тогда от моего шарфа.

— Алиночка. — Он посмотрел на отчет, и я прикрыла его локтем. — Завтра инвесторы смотрят цифры. Ты готова? Давай подпишем акт сверки и поедем. Не копайся в мелочах.

Он положил ладонь на плечо, большим пальцем погладил воротник. Я прижала подбородок, будто поправляла блузку. Улыбка получилась для камеры — ни одного лишнего зуба. Ему она, к счастью, была привычна.

— Регламент, Витя. Пятьдесят тысяч — это не шум. Это сигнал. Либо система глючит, либо кто-то играет в азартные игры на корпоративной карте.

Он убрал руку с плеча. Я подвинула мышку, ожидая, что наклонится к экрану и прочтет хотя бы одну строку. Вместо этого он заговорил про премию. На совещаниях после таких слов я обычно задавала тот же вопрос еще раз. Дома начинала извиняться за испорченный вечер.

— Алин, хватит. Утром все должны получить отчет, а не список твоих подозрений. Подпиши, премию выплатим. Ну чего ты уперлась? Ты же устала.

— Я хочу спать спокойно, — ответила я, отвернувшись к экрану. — Иди домой. Я закончу через час.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. Пришлось встать и закрыть ее самой. У ручки еще держался его запах. Вернулась к стулу, но села на край: плечо, которого он касался, хотелось потерять, как место после укола.

В таблице выделила пять платежей: по десять тысяч каждый. Подвинула окно поближе, чтобы видеть даты одновременно. Вчера, позавчера и три дня до этого. Получатель у всех один — ООО «Паркинг-Сервис Премиум». Проверила адрес регистрации. В этом бизнес-центре мы ничего не снимали.

Открыла календарь командировок. На трех последних датах у Виктора стоял Санкт-Петербург. Мы летали туда вместе, я вернулась раньше. Он объяснил, что остается на закрытую встречу с партнерами. В календаре это было записано с моих же слов. Подтверждение я тогда не просила.

Сначала проверила даты загрузки: может, бухгалтерия провела старые чеки позднее? Нет, совпадали с датами оплаты. На спине стало мокро под блузкой. Открыла список VIP-паркингов и маршруты наших партнеров. Хотелось найти знакомый адрес и написать в комментарии: «Представительские». Адрес не находился.

Впервые проверяла не чужую авансовую ведомость. Проверяла его.

Я сохранила чеки и открыла свойства PDF-файлов. В реквизитах стояло ООО «Паркинг-Сервис Премиум», а в примечании — фамилия его директора. Записала ее отдельно: получатель платежа и человек, подписавший чек, должны были совпасть с договором.

Я отправила эти файлы себе на личный защищенный сервер. На рабочую почту отправлять было бессмысленно: администратор мог открыть ее по его просьбе. Сделала также копию на внешний диск. Клик. Готово. Теперь, даже если строки исчезнут из системы компании, у меня останутся исходные файлы.

Зазвонил телефон. Секретарь Виктора, Людмила.

— Алина Сергеевна, Виктор Сергеевич просил уточнить, нужна ли помощь с отчетом. — Нет, Людмила. Скажите ему, что я разбираюсь с транспортными расходами. Почему пять платежей за парковку прошли в дни его питерской командировки? Тишина на том конце провода длилась вечность. — Виктор Сергеевич сказал, что это техническая ошибка контрагента. Он уже написал им письмо. Просил вас не акцентировать внимание, чтобы не пугать инвесторов. — Корпоративной картой платили? — спросила я ровным голосом. — Да. Сам оплатил. Извините, больше ничего не знаю.

Людмила отключилась, а я все держала трубку возле уха. «Сам оплатил». Два слова, которые уже нельзя было списать на бухгалтерию. Положила телефон, попала мимо подставки, подхватила у самого края. Он знает, что я вижу строку, и все равно велит не замечать. Премиию еще вспомнил. Как будто за нее я должна составить удобное объяснение вместо него.

Я посмотрела на часы. До сдачи отчета оставалось четыре часа. До встречи с инвесторами — двадцать.

Сорву сделку — Виктор объяснит инвесторам, что жена приревновала и полезла в личные данные. Подпишу — под неподтвержденными расходами останется моя фамилия. Снова посмотрела на пять строк. Можно сохранить их, не превращая отчет в разговор о нашем браке.

Ругаться сейчас я не собиралась. Сначала сохраню то, что он просит не замечать.

В корректирующие операции эту сумму переносить нельзя: следующим утром все забудут, что именно исправляли. Оставила пять строк в неподтвержденных расходах и рядом написала, какие документы нужны. Итог теперь сошелся. Акт сверки лежал отдельно. Виктор мог получить отчет к утру, но подпись без первички не получит.

Я сохранила файл. Закрывает крышку ноутбука.

До коттеджа ехала сорок минут. Огни МКАД пропускала мимо: обычно считала съезды, чтобы знать, сколько осталось. Сегодня только у ворот поняла, что уже приехала. Расстегнула ремень, а выйти сразу не смогла. В доме был он.

Виктор устроился в гостиной с планшетом, уже в шелковой пижаме. Поджал босую ногу и листал что-то, улыбаясь. Я остановилась в дверях. По дороге репетировала вопрос о платежах, а увидела его любимую пижаму и почему-то забыла первую фразу.

— Привет, — он поднял голову, улыбаясь уголками губ. — Долго ты. Я заказал ужин. — Голова болит. — Стащила туфлю, придерживая пятку: ремешок содрал кожу. Он все смотрел на меня, и я нарочно занялась второй туфлей. — Не хочу есть. — Ой, бедная моя.

Виктор обнял меня, уткнулся носом в волосы. Ладони сомкнулись на талии, и я задержала дыхание. Мне было знакомо, что будет дальше: поцелуй в шею, рука ниже пояса, его смех. Раньше сама поворачивалась к нему. Сейчас пришлось прикусить щеку, чтобы не сказать вслух, чем пахнет его рубашка. Под язык натекло немного крови.

— Отпусти, — прошептала я. — Что? — Мне надо принять душ. И выпить таблетку.

Отодвинула его ладонь, отступила. Он посмотрел на меня, потом на оставленную у двери обувь. Больше не обнял. — Ладно. Спокойной ночи, Алиночка.

В спальне скрипнула кровать. Свет под дверью погас. Я смотрела на эту полоску и ждала, когда он позовет меня еще раз.

До ванной не дошла. Остановилась у спальни, прислушалась: Виктор уже дышал во сне. Я все еще держала сумку с ноутбуком и не могла заставить себя положить ее в привычный угол.

Глава 2

Через полчаса я тихо открыла дверь спальни. Виктор лежал на боку, лицом к стене. Телефон на тумбочке светился слабым синим индикатором уведомлений.

У тумбочки я чуть не задела краем сумки кровать. Прижала ее к бедру, взяла телефон с тумбочки. Рука дрожала, и экран дважды погас прежде, чем успела ввести код. Дату свадьбы помнила без подсказки. Самому Виктору о ней в этом году напоминать пришлось.

Код прошел. Он оставил свадебную дату. Мне в этом году о годовщине пришлось напомнить, а пароль он помнил.

В почте — работа. В мессенджерах — короткие цепочки сообщений, обрывающиеся на ничего не значащих фразах. Киры среди контактов не нашла. Проверила фотографии, потом недавние удаления. Пусто. Он мог хранить все в другом месте; я знала, насколько тщательно он чистит рабочую переписку перед любой проверкой.

Банковское приложение оставалось на главном экране. Его я понимала лучше, чем пустые чаты.

В банковском приложении выбрала месяц. Прокручивала переводы, стараясь не нажать случайно на получателя. Пятьдесят тысяч, тридцать, десять — суммы, которые у нас проводили между делом. Некоторые адресаты повторялись. Их имена переписала отдельно, чтобы сравнить с корпоративными расходами.

На одном из имен остановилась. Вернулась к сохраненным чекам: в офисе я просмотрела только реквизиты. Свойства самого файла не проверяла до конца.

Дошла до кабинета с его телефоном в руке. Положила на край стола, включила ноутбук и домашнюю сеть. Открыла папку талонов. У каждого файла проверяла свойства, сравнивая «Автор» и «Компания». Эти поля бухгалтерия обычно даже не смотрела, когда принимала чек.

Первые файлы выглядели обычно: пустое поле или название программы. В пятом, с вчерашней датой, заметила строку, которой там быть не должно. Переключилась на реквизиты платежа: «Паркинг-Сервис Премиум». Вернулась к свойствам. Название другое.

Кипрский фонд Виктора. Он создал его три года назад, за месяц до свадьбы. Я знала, где найти его учредительные документы: сама помогала собирать комплект.

Тогда он просил помочь с инвестиционным инструментом. Объяснял про инфляцию, защиту активов, спокойное будущее. Я сидела рядом, исправляла опечатки в его бумагах и радовалась, что мы умеем работать вдвоем. Название фонда сейчас прочла так же внимательно, как тогда его паспортные данные.

По свойствам файла обвинять рано. Но договор с фондом запрошу первым. Кира не объяснит, зачем это название попало в чек.

Фонд принадлежал не ему одному. В учредителях числилась женщина. Мария Ивановна Соловьева.

Мария Соловьева. Свекровь. Я слышала, как она произносит «Алина» через силу, даже когда рядом сидел Виктор. При знакомстве спросила, не мешает ли моя работа его карьере. Потом годами советовала мне быть благодарнее. Посмотрела на имя в учредительных документах еще раз: отчитываться за благодарность теперь собиралась я.

Я смотрела на имя свекрови и пыталась вспомнить, кто утверждал договор с парковкой. Если деньги шли в ее фонд, передо мной была не только измена. Ревность мешала думать: хотелось разбудить мужа, сунуть ему экран в лицо. Но сначала нужно было проследить переводы.

Повернула кресло от кондиционера. Шея отсырела под воротником. Виктор обычно приносил плед; сейчас о нем вспоминать не хотелось.

Положила ладони на стол. Пальцы перестали дергаться, но от чашки с холодным кофе меня снова замутило. Отодвинула ее к дальнему краю.

Начала отдельный список. Дата, время сохранения, название файла. Хотелось в первой строке написать, что он лжец. Написала «Расхождение баланса» — к этому пункту могла приложить проверяемую сумму.

1. Расхождение баланса. 2. Пять талонов на парковку. 3. Совпадение дат с командировками. 4. Оплата корпоративной картой. 5. Скрытая ссылка на кипрский фонд. 6. Учредитель фонда — мать Виктора.

Я сохранила файл. Назвала его «Доказательства_01». Переместила в зашифрованную папку.

Завтра инвесторы увидят отчет с оговоркой. Виктор попытается провести сделку по предварительному отчету. Без моей подписи ему придется отвечать за неподтвержденные расходы самому. Кира продолжит играть роль жертвы обстоятельств. А Мария Соловьева будет ждать перевода на свой счет.

Завтра он опять скажет «Алиночка» и подвинет мне ручку. Рядом будут сидеть люди, которым неудобно ждать из-за пятидесяти тысяч. Я представила, как они торопят меня, и сохранила архив еще раз.

Моей подписи под отчетом пока не было.

Я посмотрела на имя владельца этой «парковки». В реквизитах по-прежнему стоял «Паркинг-Сервис Премиум». А в свойствах файла — наш старый кипрский фонд. Завтра я должна была найти документ, который связывал их. До того, как Виктор поймет, какую строку я заметила.

Следующим вечером я сидела в гостиной коттеджа с отчетом на планшете. Виктор вернулся поздно. Еще из коридора донесся сладкий запах, который вчера я пыталась списать на презентацию.

Его одеколон я сама дарила. Он обычно перебивал все остальное; сейчас поверх него держалось сладкое. Понюхала рукав своего халата — только наш кондиционер для белья. Значит, чужой запах пришел вместе с ним.

Виктор подошёл к дивану, где я делала вид, что читаю отчёт на планшете. Его руки легли мне на плечи, пальцы сжались привычно, собственнически. Он наклонился, чтобы поцеловать меня в макушку, но я напряглась, как струна. Внутри всё переворачивалось от тошноты. Пришлось сжать зубы, чтобы не отодвинуть его руку. Днем он снова потребовал мою подпись, а теперь целовал меня так, будто ничего не случилось.

— Тяжёлый день? — спросил он хрипловато. Голос был тёплым, заботливым. Идеальным.

Подняла голову, но смотрела ему в подбородок. Если сейчас поймает мой взгляд, спросит, что случилось. Сказать «ничего» я могла. Сказать это убедительно — едва ли.

— Голова раскалывается, — соврала я, и боль действительно отдавала в затылок. — Извини, я лягу спать пораньше.

Он провел ладонью по моей щеке. Я подождала, пока уберет руку, чтобы не отшатнуться. В спальне он долго перебирал рубашки в шкафу, и я слушала, когда наконец перестанет. По его голосу до сих пор нельзя было понять, что мы поссорились.

Утром Виктор оставил пиджак на стуле, пока собирался выходить. Я понесла его в гардеробную — по привычке, на которую тут же рассердилась. В кармане зашуршало. Достала тонкий скомканный чек «White Rabbit» и расправила на дверце шкафа.

Дата: восемнадцатое марта. Время: 22:15. Сумма: 14 800 рублей. Стол на двоих.

На чеке было восемнадцатое марта. В тот вечер он якобы звонил инвесторам из Сингапура. Я вспомнила сообщение: «Не жди, часовые пояса». Под ним поставила сердечко, чтобы не отвлекать. Теперь читала позиции заказа: два десерта, бутылка вина. Деловой ужин тоже возможен. Только почему о нем нельзя было сказать жене?

Я достала телефон. Руки дрожали, но я заставила себя сделать снимок. Крупно, с двух ракурсов. Затем открыла бухгалтерскую программу на ноутбуке. Пятый талон на парковку у ресторана был активирован ровно в 21:40 того же вечера. В адресе паркинга было то же здание. Время въезда — за полчаса до оплаты ужина. Я придвинула чек к экрану: восемнадцатое марта на талоне, восемнадцатое марта на ресторанном чеке. В тот вечер он говорил, что еще в Питере. Вчера я ждала от него объяснений, а он опять вернулся поздно.

Засунула чек в тот же карман и пригладила ткань. Он говорил про Питер, а ужинал в Москве. Для этого вывода мне уже не нужны были ни сторис, ни признание Киры. Для следующего — с кем сидел за столом — пока не хватало данных.

Глава 3

К обеду Виктор предложил встретиться дома. Я вернулась из офиса, и мы ели в тишине, нарушаемой лишь звоном ложек о фарфор. Он смотрел на меня внимательно, пытаясь прочесть мои мысли. Он отодвинул мою чашку, как будто помнил, что она мешает локтю. Я перевернула ее обратно.

— Квартальный отчет скоро закроешь? — Виктор поднес чашку к губам, но пить не стал. Я оставила свой телефон экраном вниз. Он уже успел заметить, как долго я читала утром.

Я подняла глаза от чашки. Ему придется услышать про расходы еще раз, даже если после этого весь обед просидим молча.

— Мне нужны документы на транспортные расходы, Виктор. Сейчас там пять оплаченных строк без нормальной первички. Дашь время проверить или опять просишь подписать как есть?

Он перестал помешивать кофе. Утром заметил, как долго я смотрела в телефон, и теперь ждал, что я покажу. На стол чек я не положила.

— Конфиденциальность данных, Алина, — напомнил он мягко, но с угрозой в голосе. — Ты финансовый директор, а не сыщик. Не выдумывай проблемы там, где их нет.

— Я не выдумываю. Я считаю, — ответила я и встала из-за стола. — Мне нужно работать.

Я вышла в свой кабинет, закрыла дверь и прислонилась спиной к стене. Сердце колотилось, пришлось отойти от двери, чтобы он не услышал, как я пытаюсь отдышаться. Я знала, что он будет давить. Но теперь у меня были козыри.

Позже, в корпоративном чате компании, всплыло фото. Кира, новый бренд-амбассадор, выложила сторис: бокал шампанского, отражение в окне ночного города и подпись: «Лучший вечер года. Спасибо за эмоции». Фоновая музыка была той самой, под которую мы танцевали на свадьбе три года назад.

В посте Киры узнала отделку стола из ресторанных фотографий. Увеличила окно за ее спиной: мужчина отражался, но лицо не разобрать. Она могла специально выложить это для меня. Могла просто хвастаться своим вечером, даже не вспомнив, кто дома ждет Виктора. В этом втором случае я почему-то задержалась дольше.

Сохранила пост с временем публикации. В папке уже было больше снимков, чем моих фотографий за весь прошлый год. Их нельзя было разослать просто потому, что мне больно. Пока складывала рядом с платежами.

Вечером, когда Виктор заснул рядом, дыша тяжело и прерывисто, я вспомнила про его рабочий планшет. Он оставил его на тумбочке. Экран погас, но код блокировки был тем же, что на телефоне.

Я лежала неподвижно, считая секунды между его вдохами. Потом потянулась к тумбочке. Стакан воды едва не опрокинулся; придержала его свободной рукой и замерла. Виктор не пошевелился.

Я убавила яркость и ввела нашу свадебную дату. Пока набирала цифры, вспомнила, как сама предложила этот пароль. «Чтобы не забывал», — пошутила тогда. Теперь каждое нажатие казалось слишком громким.

Зелёная галочка. Доступ получен.

Журнал вызовов такси был открытой книгой. Пять заказов в элитный ЖК на Патриарших прудах за последние два месяца. Адрес Киры. Но был и шестой заказ. От имени самого Виктора, оплаченный с корпоративной карты, в ночь перед обнаружением талонов. Тогда я думала, это командировка. Теперь я видела паттерн.

От адреса Киры пришлось отвести глаза. Я несколько раз проглотила слюну, боясь, что меня вырвет прямо на одеяло. Поднесла планшет ближе, уменьшила яркость еще на деление. Пока он спит, нужно дочитать список заказов.

Внезапно свет в комнате включился. Виктор сел на кровати, потирая лицо руками. Проснулся от света или ждал, пока я возьму планшет? По его лицу я не могла понять.

— Что ты делаешь? — его голос был тихим, опасным, как треск ветки под ногой хищника.

Виктор увидел экран и потянулся сразу к планшету, минуя мою руку. Я удержала край, он дернул сильнее. Устройство выскользнуло на одеяло. Он подобрал его, уже не глядя на меня.

— Нарушение приватности! Корпоративная этика! — выплюнул он, вставая. — Ты шпионишь за мной? За своим мужем и руководителем?

Я не спорила. Не кричала. Я молча встала, подошла к своему ноутбуку, который лежал на письменном столе в углу спальни, и развернула экран к нему.

На дисплее была таблица из бухгалтерской программы. Строки расходов. Пять строк с пометкой «VIP-парковка». Рядом — тайминги. Несколько совпадали с заказами такси на его планшете.

Виктор перестал кричать, когда увидел таблицу. Я ждала, что начнет доказывать, с кем ужинал. Он считал строки.

Виктор смотрел на суммы, а не на даты. Это я заметила сразу. За пятью парковочными платежами стояли другие расходы, которые он так торопился провести. Я еще не доказала, куда они ушли. Но он, похоже, прекрасно знал, чего мне нельзя показывать.

— Ты... — начал он, но слова застряли в горле.

Я оставила экран повернутым к нему. Хотелось спросить, сколько раз он ездил туда, пока я ждала дома. Но он опять посмотрел на суммы, и я спросила бы уже другое: кто утвердил эти расходы?

Виктор перевел взгляд с таблицы на клавиатуру. Я опустила крышку чуть ниже, чтобы он не видел путь к папке. Он мог потребовать ноутбук, сказать, что данные корпоративные, вызвать безопасников. Копия на личном сервере уже была; без нее я бы не смогла стоять так близко.

Ноутбук остался у меня в руках. Отступила к двери, не выпуская его. Если он хочет объяснять расходы, завтра объяснит их в офисе.

У Виктора работал кондиционер, хотя на улице и без того было холодно. Держала распечатку обеими руками, чтобы не дрожал край. В кармане блузки лежал диктофон. Перед дверью я проверила индикатор записи и теперь старалась не прикасаться к карману: он заметит движение быстрее, чем бумагу.

Виктор сидел спиной к окну. Монитор заслонял часть лица, и мне пришлось обойти кресло напротив, чтобы посмотреть ему в глаза. Он продолжал читать. Я положила распечатку на клавиатуру — теперь дочитать письмо он уже не мог.

— Объясни даты, — мой голос прозвучал хрипло. Я прочистила горло, заставляя себя говорить ровно, как бухгалтер на совещании. — Пятый талон. Восемнадцатое марта. Ты сказал, что остаешься в Питере. А оплаченный твоей картой талон — московский. Имя в графе «клиент» — Кира Волконская. В примечании к заказу. Объясни мне, почему она забирает твою машину, пока ты якобы в другом городе.

Он снял очки, потёр переносицу и вздохнул. На переговорах после такого вздоха обычно кому-нибудь приходилось объяснять свою глупость. Я прежде сама помогала ему: переводила разговор к следующему пункту. Сегодня дождалась, когда он посмотрит на дату.

Виктор отодвинул распечатку, не ответив о датах. — Алина, ты опять? Мы же обсуждали это вчера. Ты нервничаешь. Это профессиональное выгорание.

Я стиснула челюсти так сильно, что заныли зубы. — Не переводи стрелки. Это не выгорание. Это измена. Посмотри на дату! Она совпадает с тем, когда ты отсутствовал дома три дня. Ты спал не в отеле, а с ней.

— Ты сама на HR-встрече жаловалась, что плохо спишь. — Он отодвинул мой лист, освобождая клавиатуру. — Согласие на мониторинг стресса подписала? Подписала. Психолог тебе что сказал? Вот и подумай, прежде чем обвинять людей.

Я дернулась к столу, ткнула в дату. Он не посмотрел. Про рекомендации психолога помнил отлично, про оплаченный талон — вдруг ничего. — Ты пытаешься убедить меня, что я сумасшедшая? Чтобы оправдать то, что спишь с амбассадором бренда на моей же машине?

— Алина, сядь. Ты себя слышишь? — Он говорил громче, чем требовало расстояние между нами. Наверняка секретарь за дверью слышала тоже. — Это не ты. Это болезнь. Мы можем поговорить нормально?

Я осталась стоять. Потянулась проверить диктофон и остановилась, когда Виктор посмотрел на карман. До этого изображал заботу, теперь смотрел именно туда. Запись шла; трогать прибор было незачем. Жаль, что вспомнила об этом поздно.

Виктор наклонился через стол так близко, что я отступила. Следующую фразу сказал почти в ухо — секретарю она, видимо, уже не предназначалась: — Записываешь? С начальством? Без уведомления? Соглашение о тайне помнишь? Я найду твои подписи, Алина. Нужны неприятности с полицией из-за ревности — продолжай. Это ты сейчас выбираешь.

Остановила руку в кармане. Он ждал, что я достану диктофон и начну оправдываться. Медленно вынула пальцы, оставила прибор внутри. Слова про тюрьму он сказал в микрофон сам; выключать запись я не собиралась.

— Я ухожу, — сказала я. Голос предательски сорвался.

Повернулась к двери, взялась за ручку. Виктор обошел меня и встал спиной к полотну. Я могла бы попытаться протиснуться, задеть его плечом. Представила, как это увидят из коридора: жена бросается на директора. Ручку отпустила, но от двери не отступала, пока он не заговорил.

— Сядь, Алина. Мы не закончили. Твой доступ к серверам будет ограничен сегодня до конца дня. Это приказ, а не просьба.

Отойти от него можно было только к столу. Я выбрала кресло, села на край, оставив сумку на коленях. Виктор стоял у двери и не двигался. Кивнула: ладно, дослушаю. Чем дольше говорит, тем больше останется на записи.

— Хорошо, — сказала я, придерживая сумку на коленях. — Что дальше?

Глава 4

Он вернулся к столу и открыл ящик. Передо мной легли буклеты частной клиники: спа, парк, врач на фотографии. На одном был указан месячный пакет. Я перевернула его, выискивая, где написана продолжительность. Месяц, пока компанию проверяют без меня.

— Месяц поживешь здесь. Выспишься, пройдешь процедуры. И в офисе перестанут обсуждать, что творится с женой директора. Алина, я предлагаю тебе отдых, а ты опять смотришь, как будто хочю тебя убить.

Взяла буклет, нашла цену. Месяц стоил моего годового бонуса. Он, значит, уже посчитал, сколько готов потратить на мой отъезд. — Ты пытаешься купить мне тишину? Или изолировать меня от информации?

Он потянулся забрать буклет, я удержала его двумя пальцами. Цену успела прочитать. На такой отдых он готов был потратить мой годовой бонус. — Я забочусь о тебе. Почему ты всегда видишь злой умысел?

— Потому что я финансовый директор. Я вижу цифры. А здесь цифр нет. Есть только желание убрать свидетеля.

Он поставил обе ладони на стол по сторонам буклетов. Думала, сейчас еще раз скажет про лечение, но услышала фамилию аудитора. — Контакты Дмитрия Волкова зачем ищешь? — Он постучал пальцем возле моей распечатки. — Логи я видел. Мало тебе должности и дома? Что внешнему аудитору рассказать решила?

При имени Дмитрия я крепче сжала сумку. На рабочем компьютере действительно искала его номер. Значит, Виктор уже попросил посмотреть мои действия — пока я все еще надеялась договориться как жена. Аудитор ему мешал гораздо сильнее, чем сцена ревности.

— Он проверит документы. Ты предлагаешь считать их ошибкой и подписать, а потом объяснять инвесторам, что я не справляюсь. Мне нужен человек, которого ты не можешь уволить за вопрос.

Он отступил от стола и оглянулся на принтер. Я тоже посмотрела туда: лоток был занят готовыми листами. Приказ, похоже, напечатали до моего прихода.

Виктор забрал из принтера приказ, положил передо мной. Дата сегодняшняя: «Нарушение конфиденциальности и несанкционированный доступ к внутренним базам данных».

— Подпиши, — бросил он коротко. — Или я подам заявление в полицию о промышленном шпионаже. Выбор за тобой, жена.

Взяла приказ за верхний край, чтобы он не выдернул. Нашла формулировку доступа: финансовые архивы за предыдущие периоды. В тексте не было ни личной почты, ни планшета, ни фотографий. Увольнять меня собирались за бухгалтерские файлы.

«Финансовые архивы за предыдущие периоды». За них он собирался меня увольнять. Доступ я получила по работе, сама отвечала за эти отчеты. Теперь чтение старых файлов стало нарушением. Провела ногтем под строкой: именно этот архив нужно будет проверить первым.

Приказ я держала крепко, а прочесть конец не могла — строчки расплывались. Нужно связаться с Дмитрием раньше, чем администратор выполнит распоряжение Виктора. Старые файлы могли пережить мое увольнение. Могли и исчезнуть вместе с доступом.

Я не взяла ручку. Я достала телефон.

— Ты забыл, что я финансовый директор, — произнесла я спокойно, набирая номер своего личного юриста. — Я знаю, где спрятаны деньги, которые ты потерял вместе с честью.

Виктор побледнел. Реально побледнел, губы стали синими. — Положи телефон!

Но я уже услышала гудки. Экран светился на фоне темного кабинета. — Алло, Сергей? Это Алина. Да, я знаю, что они делают. Слушай внимательно...

Виктор метнулся ко мне. Это было некрасиво. Мимо всех правил корпоративной этики. Его рука выбила телефон из моей ладони. Аппарат со звонким щелчком ударился о столешницу, экран погас, и соединение оборвалось. Сергей успел услышать мое имя. Я не знала, перезвонит ли он.

Он стоял возле стола, тяжело дышал и смотрел на упавший телефон. Я ждала второго движения — ногой или рукой. Он не сделал его. Прибор в кармане продолжал записывать, и мне очень хотелось проверить, не кончилась ли память.

Я посмотрела на него, заставляя себя не отступить еще на шаг. Он все еще преграждал дверь. Я отступила от стола, чтобы он не мог снова выбить что-нибудь из рук. — Ты сделал ошибку, Виктор. Ты назвал меня сумасшедшей. Но сумасшедшие не проверяют дебет с кредитом. А я проверила. И теперь ты не можешь уволить меня за «истеричку». Ты должен уволить меня за «шпионаж». А это значит, что дело дойдет до суда. И там мы будем говорить не о твоей любви к Кире. Там мы будем говорить о том, куда делись деньги из фонда развития продукта. Пока я проверила только пятьдесят тысяч. Но ты почему-то так боишься этих пяти чеков.

Виктор сжал кулаки, но к двери больше не вернулся. Обычно в такой паузе он находил колкость, от которой я забывала, что хотела спросить. Сегодня я смотрела на его руки и повторяла про себя: архив, дата, платежи. До выхода ничего другого.

— Уходи, — прошептал он, отворачиваясь к окну. Его плечи были напряжены, как канаты. — Просто уходи. Пока я не позвонил охранникам.

Я дождалась, пока он отойдет от двери. Колени слегка дрожали, но спина была прямой. Я подобрала телефон. Экран треснул, но аппарат еще подавал признаки жизни. Оставлять ему даже сломанную вещь со своими контактами я не собиралась. Я взяла со стола буклет клиники. Порвала его пополам и бросила половинки ему под ноги.

— До встречи в суде, бывший муж.

Закрyla за собой дверь, прислушалась. Виктор не пошел следом. Секретарь смотрела в монитор, хотя при моем появлении ее пальцы перестали печатать. Я прошла мимо, не спрашивая, слышала ли она. Если слышала, то вопроса ко мне у нее все равно не было.

К лифту пошла быстро. У дверей пришлось остановиться, чтобы нажать кнопку: палец дважды попал рядом. Только там до меня дошло, что из этого кабинета я вышла без работы. Вчера еще ставила ему встречи в календарь. Сегодня сохраняла запись его угроз.

В лифте нажала первый этаж, потом проверила кнопку: загорелась. Основной телефон лежал в сумке, экран треснул. Запасная Nokia осталась в кармане. Утром с нее отправила Дмитрию запрос, пока Виктор мог увидеть только поиск контактов на рабочем компьютере.

Про Нокию я ему не говорила, даже когда выбил основной телефон.

Экран лифта показывал этажи вниз. 30... 29... 28... В лифте вспомнила: доступ он обещал отключить до вечера. В коворкинге первым делом проверю архив, пока еще открывается.

У турникетов задержала шаг: охранники стояли на своих местах. Один посмотрел на меня, но останавливать не стал. Я убрала диктофон глубже в карман и прошла к выходу.

На улице подставила лицо ветру. Нужно было перестать дышать так часто, прежде чем звонить. Телефон с треснувшим экраном оставила в сумке, достала запасной.

Я остановилась у края тротуара и проверила старый телефон. На экране было одно уведомление. Сообщение от неизвестного номера. Текст гласил: «Я получил запрос. Данные интересны. Встречаемся завтра. Место скину позже. Д.»

Дмитрий. Перечитала сообщение дважды, прежде чем ответить: «Буду». Он не написал, что я перегнула палку. Не предложил помириться. Назначил встречу по данным — это я еще умела.

Доступ он перекроет, приказ вручит через кадры. Это я уже слышала. Копии ему не достались. Попросить независимую проверку можно и без должности; неприятнее всего было признать, что больше ее у меня нет. Я убрала телефон и поискала свободное такси.

В папке были пять чеков. Для начала расследования хватит, если я не испорчу их собственной поспешностью.

Я поймала такси, назвав адрес ближайшего коворкинга, где можно арендовать кабинет на день. Водитель, полный мужчина в засаленной куртке, покосился на меня в зеркало заднего вида. — Плохой день? — спросил он, пытаясь начать разговор.

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. На пальцах остался след от края буклета. Ручку Виктора я так и не взяла. Приказ остался неподписанным, и завтра он наверняка заставит кадры закончить начатое.

— Нет, — ответила я, глядя в окно на проплывающие мимо рекламные щиты с лицами успешных людей. — Хороший. Сегодня я наконец-то начала считать правильно.

Такси встроилось в поток, а я повернулась к бизнес-центру. За стеклами Виктора не различить. Еще минуту назад хотелось, чтобы он видел, как я ухожу. Теперь — чтобы не увидел, куда. В коворкинге я смогу открыть архив без него за спиной.

Закрела глаза, попробовала восстановить суммы по памяти. На третьей сбилась, снова открыла их. Не нужно ничего помнить наизусть: файлы сохранены, дата у каждого есть. Он столько лет хвалил меня за педантичность. Ее и возьму с собой вместо его рекомендаций.

Завтра Дмитрий спросит, откуда получен каждый документ. Нужно подготовить ответ, а не монолог про Виктора. Хочется ли мне, чтобы бывший однокурсник пожалел меня? Очень. Поможет ли это проверить расходы? Я достала блокнот и записала порядок передачи файлов.

У коворкинга расплатилась, хлопнула дверью такси. Ветер растрепал волосы, уложенные для встречи с мужем. Поправлять их не стала: здесь он меня уже не увидит.

За первичкой он держался крепче, чем за нашим браком. С нее и начну — другое я пока только хотела вернуть.

Глава 5

Марго уже разложила бумаги, когда я вошла в «Альфу». Не предложила кофе, даже на стул не показала. Я села сама. Три минуты она перебирала листы, не поднимая головы. Я успела прочитать приказ вверх ногами и почти не сомневалась, с какой фразы она начнет.

— Алина, давай без драмы, — наконец произнесла она, не поднимая глаз. — Ты скопировала корпоративные данные на личный сервер. Это пункт три-бис нашего регламента ИБ. Увольнение по статье за нарушение конфиденциальности. Подписывай приказ, и мы расходимся тихо.

На одном ногте Марго был крохотный скол, и я зачем-то смотрела на него, пока она торопилась с приказом. Вчера Виктор выбил телефон. Сегодня я должна подтвердить, что увольняют по моей вине. Развернула лист к себе: сначала получу копию, потом обсуждаем подпись.

— Где служебная записка? — мой голос прозвучал глухо, но отчетливо. — Где акт об обнаружении несанкционированного доступа, составленный системным администратором? Вы ссылаетесь на регламент, которого в природе не существует. Я требую присутствия юриста компании. Прямо сейчас.

Марго подняла голову и посмотрела на дверь. Юриста звать не спешила. Видимо, вчерашнего распоряжения Виктора ей казалось достаточно, чтобы я поставила подпись и перестала занимать переговорную.

— Виктор Сергеевич уже дал устное указание...

— Устные указания не имеют юридической силы при увольнении по статье, — перебила я. — Покажите мне бумажку. Или вызовите полицию, если хотите обыскать мои карманы прямо здесь.

Виктор распахнул дверь; ручка ударилась о стену. Я посмотрела на галстук — знакомый «виндзор». Когда училась завязывать его, просила мужа постоять спокойно. Сейчас он так же стоял над моим стулом, но трогать этот узел больше не хотелось.

— Хватит цирка, Алина. — Он говорил достаточно громко для Марго. — Скриншоты чужих парковок для тебя важнее компании? Не хочешь дела о шпионаже — уходи тихо.

Он встал возле моего стула. На галстук осталась маленькая вмятина от узла, и я заметила ее раньше знакомого чужого запаха. Смотрела на воротник, чтобы не отвечать ему как жена. Марго держала приказ на столе.

Виктор смотрел на распечатки, лежавшие перед Марго. Мне в глаза посмотрел только когда я произнесла номер пункта договора.

— Спорные вопросы решаются через независимую экспертизу логов доступа, — процитировала я пункт 12.4 трудового договора, который он сам же и составлял. — Голословные обвинения начальника отдела кадров не являются основанием для увольнения. Если ты уверен в своей правоте, Виктор, дай мне написать заявление по собственному желанию. Без статьи. Без шлейфа.

Он дернул челюстью, глянул на Марго. За дверью кто-то остановился; я видела носок ботинка через стекло. Виктор тоже заметил. При посторонних уступить жене он не мог даже тогда, когда ему стоило бы уступить финансовому директору.

— Я предлагаю сделку, — сказал он, понизив тон до интимного шепота, хотя вокруг были люди. — Ты подписываешь NDA. Соглашение о неразглашении коммерческой тайны. Ты отказываешься от претензий на годовые бонусы. Взамен я не подаю на тебя в суд за кражу интеллектуальной собственности.

В соглашении рядом с отказом от бонусов стояло, что претензий к работодателю у меня нет. Я перечитала строку про себя. После вчерашнего телефона. После угрозы отправить меня лечиться. Он хотел получить документ, где все это превращалось в мое добровольное решение.

Подняла черновик. На последней странице было место для моей подписи. Провела по нему большим пальцем, загнув бумагу. Ни одного слова о том, почему меня вывели из кабинета с разбитым телефоном. Зато годовых бонусов после подписи больше не будет.

С громким треском я разорвала лист пополам. Потом еще раз. Обрывки бумаги полетели в лицо Виктору и задержались на его рукаве.

— Буду бороться за каждый рубль и каждую строчку отчета в суде, — сказала я, глядя, как бумажные клочки оседают на его лакированных ботинках.

Виктор отвернулся к двери, чтобы отдать распоряжение охране.

— Уведите её, — коротко бросил он охране, стоявшей у двери.

Охранники взяли меня под руки. Один держал локоть так крепко, что я вскрикнула. Он только перехватил выше. Ноутбук забрали со стола, ключ и пропуск — из сумки. Я успела увидеть, как Марго придвинула их к своему приказу. «Передача дел», значит.

— Процедура передачи дел, — буркнул один из охранников, лишая меня возможности сопротивляться.

До лифта меня вели между двумя охранниками. Хотела убрать руку — хватку усилили. Маша возле своего кабинета быстро нагнулась над столом. Еще вчера спрашивала, можно ли уйти пораньше. Сейчас даже не посмотрела. Я запомнила именно это, а не слова Виктора.

На выходе из лифта служба безопасности заблокировала проход.

— Личные вещи проверять будем, — сказали мне.

На стойке лежал перечень изъятых материалов: отчет, строка 402, пять талонов. Пока охранник проверял сумку, я прочла его и пригляделась к месту для подписи.

Когда охранник отвлекся на звонок, вынула запасной телефон. Он лежал в кармане, сумку к этому времени уже проверяли. Сняла перечень изъятых документов, дважды: на первом снимке дрогнула рука. Убрала аппарат под блузку прежде, чем охранник положил трубку.

— Всё чисто, — констатировал охранник, возвращая мне сумку с кошельком и треснувшим телефоном.

Я вышла из здания в холодный мартовский воздух Москвы. Ветер мгновенно пробрался сквозь тонкую блузку, заставляя мышцы напрячься от холода и унижения. Ключ от служебной машины остался у охраны. Корпоративную карту отключили вместе с пропуском; личный счет пришлось проверить отдельно. Наличных в кошельке хватало только на метро.

У бордюра никак не могла натянуть рукав на локоть: ткань цеплялась за кожу, которую сдавил охранник. Тридцать четыре года. Финансовый директор, жена основателя. Стою без

ключа от машины и считаю мелочь на метро. Пришлось вытереть нос рукой. Пусть считают истеричкой; сейчас мне нужно добраться до места, где можно сесть.

После разговора с Виктором нужен был независимый аудитор. Вспомнила номер Дмитрия.

Я достала второй телефон — старую Nokia, которая не была привязана к корпоративной сети. Номер Дмитрия я помнила наизусть. До вчерашнего сообщения мы не общались пять лет. Вспомнила университет, где он был единственным, кто не пытался со мной переспать, а помогал писать курсовые.

Пока Дмитрий не отвечал, смотрела на окна своего этажа. Виктора оттуда не различить. Раньше он мог позвонить и сказать: «Вижу тебя». Я отвернулась к дороге, дождалась ответа.

— Алло? — голос Дмитрия был сухим, деловым. На заднем плане шумел принтер.

— Дима, это Алина. Вчера ты предложил встречу. Меня только что вывела охрана.

В трубке зашуршала бумага. Он, похоже, остановил принтер.

— Алина. Чем могу помочь? Если тебе нужен адвокат, у нас есть отдел...

— Мне не нужен адвокат, — перебила я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Мне нужен аудитор.

— Я работаю внешним аудитором, Алина. И я не вмешиваюсь в личные драмы клиентов. Твой муж...

— Дима, дослушай сначала. Ты проверяешь «VectorTech»? Тогда открой транспортные расходы, а не разговоры о моем браке.

Я подождала, пока он откроет отчет. Из трубки больше не доносился принтер.

— Проверь строку 402 в квартальном отчете, — продолжала я. — Там пять талонов VIP-паркинга. Получатель связан с кипрским фондом. Нужно проверить, что стоит за этими расходами. Твои инвесторы будут очень рады узнать, куда делись их деньги, если узнают, что СЕО использовал бухгалтерию жены для отмывания средств через любовницу.

Замолчала. Связь с фондом видела, конечных переводов пока нет. Выдам подозрение за факт — Дмитрий закончит разговор, и я останусь со своим архивом одна.

Дмитрий молчал. Долго. Так долго, что я начала сомневаться, не оборвалась ли связь.

— Алина, ссылку пришли. — Я слышала, как он что-то набирает. До этого пытался направить меня к адвокату, теперь остановился на номере строки. — Должна быть исходная версия, не просто фотография экрана. Ты ее сохранила?

— Папку с метаданными тоже. И историю получения файлов не меняй. Мне придется объяснять инвесторам, откуда взят каждый документ, Алина. По твоему пересказу заключение не напишу.

Щелчок соединения.

Телефон спрятала под блузку, прижала локтем. Дмитрий запросил файлы. Достаточно. Ни «ты права», ни обещания наказать Виктора мне сейчас не нужно. Дойдет до первички — дальше она скажет за меня. Только бы ссылка открылась и у него сохранилась копия.

Я развернулась и пошла к станции метро. Шаги гулко отдавались на холоде между высотками. Вчера я отправила первый запрос. Сегодня у Дмитрия были файлы, которые они уже не могли забрать вместе с моим ноутбуком. Этого хватало, чтобы дойти до метро, не возвращаясь просить ключи.

Глава 6

Маша не берет трубку. Имя «Маша К.» висит на экране, и я вдруг замечаю, что уже поднесла телефон к губам, словно она меня слышит. Сейчас напишет: «Ой, не слышала». А я сделаю вид, что поверила, лишь бы согласилась встретиться.

Она в сети. Статус обновился минуту назад. Но сообщения лежат непрочитанными уже три часа.

Зажимаю кнопку голосового сообщения. Сначала слышно только мое дыхание. Жду, пока получится произнести имя нормально: если отправлю Маше хрип и обрывки слов, она еще быстрее решит, что Виктор прав. — Маш, это Алина. Нам нужно поговорить. Вживую. Пожалуйста. Это касается отчетов, которые ты видела. Я знаю, тебе страшно, но... Отпускаю кнопку, прослушиваю начало и отменяю отправку. Опять это «пожалуйста». Выхожу из комнаты, у двери поворачиваюсь к телефону. Вчера Маша просила прикрыть ее на совещании. Я даже не уточнила причину. Сегодня мне неудобно просить пять минут разговора.

Через час я сижу в кофейне «Latte». Той самой, где мы с коллегами каждое утро пили капучино с корицей, обсуждая новые фишки продукта и сплетни о главбухе. Сейчас здесь пахнет жженым сахаром и дорогим парфюмом. Пахнет чужой жизнью.

За стеклом Маша запрокидывает голову, смеется. Возле нее Дима из продаж, напротив — стажер. Я знаю, что это их обычный стол. Если сейчас уйду, вечером смогу поверить в ее «не видела звонка». Подхожу к двери, хотя очень хочется свернуть.

Толкаю дверь. Колокольчик звенит над головой, и мне впервые хочется, чтобы его здесь вообще не было.

Маша первой видит меня в дверях. Освободившуюся руку кладет на телефон, потом толкает Диму из продаж под локоть. Он оборачивается. У стажера еще открыт рот — не договорил шутку. Я жду хотя бы кивка. Маша смотрит мимо меня на вход, будто следом сейчас зайдет человек, с которым здороваться можно.

Они отводят глаза прежде, чем я успеваю кивнуть.

Прохожу мимо, держась за сумку обеими руками. У окна сажусь спиной к Маше. Со стойки доносится: «Это та самая жена директора?» Поднимаю меню, хотя кофе уже выбрала.

Заказываю черный кофе. На молоко и корицу тратить не хочется, хотя еще неделю назад я не смотрела на цену.

В этот момент телефон вибрирует. Уведомление от HR-агентства «HeadHunter Elite», куда я отправляла резюме еще до увольнения. Открываю письмо. Текст короткий, сухие канцеляризмы: «Уважаемая Алина, сообщаем вам, что ваша кандидатура снята с рассмотрения по вакансии финансового директора в компании Х. Причина: негативный фидбек от текущего работодателя касательно профессиональной этики и конфиденциальности данных».

Текущий работодатель. Виктор.

Двенадцать лет опыта списали одним «негативным фидбеком». Вчера рекрутер обсуждала зарплату, сегодня не позвонила. Письмо сохраняю: хочу знать, кому Виктор успел рассказать обо мне.

Ставлю чашку слишком резко. Кофе переливается через край, и я промокаю его сразу тремя салфетками. Возвращаюсь к письму. Имени человека, давшего отзыв, нет. Зато моя фамилия полная, должность полная. Ответить могу только в общую приемную — там еще решат, вежливо ли я попросила объяснений.

Отказ рекрутера сохраняю. Попробую обратиться прямо к инвестору.

Генеральный инвестор стартапа Виктора — Аркадий Волков. Человек, который вложил сюда первые деньги и должен знать правду. Я беру телефон и набираю номер его секретариата, который нашла в открытых источниках пару лет назад.

— Добрый день, меня зовут Алина Соколова, бывший CFO компании «VectorTech». Мне необходимо срочно связаться с господином Волковым. Дело касается финансовой отчетности и возможных нарушений законодательства РФ.

На том конце провода молчание. Потом мягкий, вежливый женский голос: — Господин Волков находится на важной встрече. Его график забит на месяц вперед. Любые коммуникации проходят через отдел внешних связей. Вы можете оставить заявку, но решение о контакте принимает CEO компании.

CEO. Виктор.

Виктор согласует мой разговор об обвинениях против Виктора. Записываю адрес заявки, переспрашиваю порядок. Девушка повторяет без запинки.

Я кладу трубку. Пальцы болят от напряжения. Во рту привкус металла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.